

Тарасова Н. П., Сорокин В. Н. СВЕТ МИРУ: Настоятели Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. 1461–1920 гг. (Материалы к биографиям). Тверь, 2017.

Усачев А. С. Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 66–81.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI в.: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1.

Яганов А. В. Об источниках датировки памятников «Бежецкого Верху Николы чудотворца Онтонова монастыря» // Архитектурное наследие. М., 2012. Вып. 57. С. 51–66.

Arkadiy E. Tarasov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

WAS THE BISHOP IOASAF OF VOLOGDA
KRASNOKHOLMSKII ANTONIEV MONASTERY ABBOT?

The article is devoted to the criticism of hypothesis, combining three representatives of Russian Church of the middle of the 16th century in one person. A conclusion is made, that some aspects contradict such interpretation.

Keywords: Saint Trinity Monastery, Krasnokholmskii Nikolaevskii Antoniev Monastery, Eparchy of Vologda, Russian Church, bishop Ioasaf of Kolomna

УДК 94(47).031 ББК 63.3(2)42-99 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0029

В. В. Трепавлов

ИРИ РАН, Москва, Россия. trepavlov@yandex.ru

ЕДИГЕЙ ВО ГЛАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ОПЫТ ЧАГАТАЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных прерогатив монархов-Чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едигей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едигей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным беком. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едигея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды.

Ключевые слова: Едигей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек

В конце XIV — начале XV в. бек из тюркского племени мангытов Едигей (Эдиге, Идигу) был одним из самых влиятельных политиков Восточной Европы. Многолетнее распоряжение всеми делами Золотой Орды в высшей государственной должности беклербека, смена покорных ханов на сарайском троне по своему усмотрению, сокрушительный разгром литовского войска на Ворскле в 1399 г., осада Москвы в 1408 г. — эти и прочие события и обстоятельства его правления хорошо известны. Однако вне внимания историков остается вопрос об источниках, стимулах, примерах и прецедентах такого его могущества и всевластия. Этот «степной Макиавелли» обычно ставится в один ряд с беклербеком Мамаем, который полустолетием раньше так же распоряжался ордынским престолом, хотя и распространял свою власть на менее обширную территорию.

Появление этих «делателей королей» чаще всего выводится из особенностей развития Золотой Орды (Улуса Джучи) во второй половине XIV в. Распространенное объяснение — разорение государства в ходе войн, смут и междоусобиц, ослабление ханской власти, усиление удельных правителей-Чингисидов, а также «родоплеменной» аристократии. Одна часть этой династической и нединастической элиты сумела пробиться к верховной государственной власти, другая — начать независимое существование в управляемых ими провинциях (улусах и вилайетах) с их автономной самодостаточной экономикой (см.: [Золотая Орда, с. 729–742; История татар, с. 691–694]). Несомненно, всё это были важнейшие предпосылки для успешной карьеры Едигея, потенциальные возможности для нее. Однако посягательство на неоспоримые монархические прерогативы «золотого рода» Чингисхана не вытекало непосредственно из военных катаклизмов и разрухи. Феномен полновластных беклербеков был подготовлен как особенностями развития государств, на которые некогда распалась Монгольская империя, так и деяниями самих удачливых политиков. В отношении Едигея пример для подражания такому политику можно видеть в правителе Чагатайского улуса Тимуре/Тамерлане.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению этого примера, отметим, что со второй половины XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи стало заметным постепенное угасание харизмы правящего клана Чингисидов. Это проявлялось, в частности, в том, что управление государством осуществлялось от лица подставных ханов. Предназначение их заключалось в том, чтобы своими сакральными персонами и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительных правителей. Институт таких ханов-марионеток практиковался в 1360–1370-х годах в западной части правого крыла Улуса Джучи («Мамаевей Орде»). В середине XIV — начале XV в. это явление

получило распространение в Чагатайском улусе и в государстве Тимуридов, где покорных Чингисидов возводили на трон местные эмиры.

Для формирования политических и религиозных воззрений Едигея представляется принципиальным его пребывание при чагатайском дворе. В течение долгого времени мангытский бек мог наблюдать действие своеобразного сосуществования номинального хана-Чингисида и реального правителя Мавераннахра¹ — эмира/бека Тимура. Тот достиг верховной власти во многом благодаря таким же дезинтеграционным социальным и экономическим процессам у чагатаев, которые разворачивались на севере, в Улусе Джучи. В 1370 г. Тимур посадил на чагатайский трон чингисида Суюргатмыша, от имени которого стал управлять своим растущим государством, а после смерти Суюргатмыша в 1388 г. организовал воцарение его сына Султан-Махмуда (1388–1398) — столь же безвластной марионетки. Впоследствии потомки Тимура превратили угасающие царственные prerogatives «золотого рода» в еще большую фикцию (см.: [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 98, 99; Бартольд, т. 5, с. 48, 158]). Позднейший бухарский хронист довольно индифферентно описал этот идеологический «тектонический сдвиг», явно примирившись с ним: «... Чагатайский улус, согласившись с потомками Тимура... совершенно вышел из повиновения потомкам Чингиз-хана и имеет намерения быть независимым и полновластным в управлении государством и завоевании мира»².

Едигей впервые появился при дворе Тамерлана в 1375 или 1376 г., в свите будущего хана Тохтамыша, когда тот, терпя неудачи в борьбе за власть, прибыл в Мавераннахр³. Впоследствии мангытский бек находился некоторое время при воцарившемся в Джучиевом улусе Тохтамыше в качестве «одного из главных эмиров левой стороны», то есть левого крыла — восточной половины Золотой Орды⁴. Но в 1389 г. он упоминается уже как противник хана (мы не будем рассматривать здесь причины такой перемены).

Эмир Тимур, обладая званием *гурагана* (ханского зятя), управлял Чагатайским улусом и завоеванными впоследствии странами от имени вышеупомянутых подставных ханов. Их имена чеканились на монетах, произносились в хутбе, от их лица Тимур издавал указы и ярлыки. Но при этом вся полнота власти принадлежала ему. Наблюдавший эту парадоксальную ситуацию Едигей убеждался в преодолимости своего несмываемого статуса *кара киши* (простолюдина), в возможности достичь высшей власти, опираясь на послушных и безропотных номинальных правителей.

Современники и хронисты не акцентируют внимание на пребывании Едигея при чагатайском дворе. Судя по пересказу кастильским послом Р. Клавихо письма Тамерлана к Едигею, последний «прожил с ним (Тимуром. —

В. Т.) двадцать лет и был тем, кому он более всех доверял»⁵. Это доверие косвенно иллюстрируется запечатленной в сибирско-татарской и казахской фольклорной традиции легендарной женитьбой Едигея на «прекрасной тамерлановой дочери Бердазис (или Фердаус), плененной было калмыцким ханом», которого Едигей якобы убил [Ischboldin, p. 166]. В многочисленных вариантах дастана «Эдиге» рассказывается, что Едигей, уехав от хана Тохтамыша, много лет служил в войске Тамерлана (Шахтемира, Сатемира), женился на его дочери и отправился воевать с Тохтамышем, сопровождаемый войском, которое вверил ему «Шахтемир»⁶.

Бек сопровождал Тимура в походе на Золотую Орду в 1391 г. По одним сведениям, он был лишь проводником армии, по другим — активным участником военных действий против ордынцев⁷. Когда Тимур возвращался из похода, Едигей тайком послал гонца к своим родичам и соседям, а также ко всем племенам левого крыла, с приказанием откочевать в степную глушь, недоступную для внешних нападений. Затем он под благовидным предлогом уехал из ставки гурагана в Дешт-и Кипчак⁸. Вдали от грозного Тимура племена под началом Эдигея смогли оправиться от последствий внутренних усобиц и вражеских нашествий и вскоре стали мощной опорой своему предводителю.

С тех пор на протяжении двух десятилетий, до своей гибели в 1419 г., Едигей вручал ханский трон своим избранникам — как сидевшим в стольных поволожских городах (Тимур-Кутлуг, 1391–1399; Шадибек, 1399–1407; Пулад, 1407–1411; Тимур, 1411–1412), так и получавшим «корону» из его рук во время его последующих скитаний по Дешт-и Кипчаку (Чекре, 1414–1416; Дервиш, 1417–1419). При всех них он состоял главным беком. Эта схема отношений была всегда одинаковой и выражалась формулой, которая у разных хронистов отличается лишь словесными деталями: «один был ханом, другой был беком»⁹. То есть он воспроизвел структуру правления,

¹ Мавераннахр — историческая область в междуречье Амударьи и Сырдарьи, с главными городами Бухарой и Самаркандом. Мавераннахр составлял часть Чагатайского улуса, некогда входившего в состав Монгольской империи.

² Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер. с перс., предисл., примеч. Р. П. Джалиловой. М., 1976. С. 95.

³ Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме / Подгот. к печати, предисл., примеч., указ. А. Урунбаева. Ташкент, 1972. С. 335; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. В. Г. Тизенгаузена. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 107, 148; Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tatares / Publ. par P. Desmaisons. Texte. St.-Petersbourg, 1871. Т. 1. Р. 162.

⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 458.

⁵ Клавихо Р. Г. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403–1406 гг.) / Пер. со староисп., предисл., комм. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 144.

⁶ Эдиге. Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н. Х. Суяновой. М., 2016. С. 44, 68, 142, 165, 185, 200, 251, 300, 323.

⁷ Ибн Арабшах, Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад. Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур. Каир, 1305/1887–1888. С. 55–59; Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. С. 436.

⁸ Ибн Арабшах, Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад. Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур. С. 59.

⁹ Сборник летописей (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1). Казань, 1854. С. 159; Натанзи Муин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar). Publiés par J. Aubin. Тегран, 1336/1957. С. 98; Утемиш-Хаджи. Кара таварих / Транскрипция И. М. Миргалеева,

которую долго, давно и успешно практиковал Тамерлан и которую Едигей наблюдал и выпитывал, находясь при его самаркандском дворе.

Эта структура была наглядно проиллюстрирована в послании Едигея московскому князю Василию Дмитриевичу в 1408 г., в преддверии татарского похода на Москву. Этот документ, подлинность которого сейчас представляется надежно установленной (см.: [Горский, с. 127–132]), начинается со знаменательной фразы: «От Едегъа поклон к Василью да много поклонов, како ти поклоны приидуть и царевъ ярлыкъ» [Горский, с. 196]. Приказ хана Пулада стоит после «многих поклонов» (*küp salam*) от бека. При этом Едигей не обозначает свой ранг, представляясь просто по имени, что, кажется, указывает на покровительственные, семейно-патриархальные отношения, которые он желал бы иметь с московским данником [Григорьев, с. 66; Трепалов, с. 81]. Примечательно, что в послании Едигея и хана Тимур-Кутлуга к Тамерлану, привезенном в Самарканд в августе 1398 г., нет ни малейшего следа подобного покровительственного оттенка: «И мы — те же самые рабы и слуги [его, как и все], слуги и подчиненные, какими мы были»¹⁰.

Время от приезда Едигея к Тимуру в 1375/1376 г. до отъезда бека в Дешт-и Кипчак в 1391 г. короче названного Клавихо двадцатилетия. Или испанский автор округлил срок, или неточно передал содержание Тамерланова письма. Совсем не укладывается в данный период и лояльная служба Едигея Тохтамышу в золотоордынской столице. Очевидно, наезды мангытского бека к хану в Сарай не означали полного расставания с Мавераннахром.

Таким образом, практика посажения покорных ханов и управления от их имени, почерпнутая в государстве Тимура, была задействована беклербеком Едигеем в разоренной и ослабленной Золотой Орде. Поэтому в цитированном выше его послании к Тимуру 1398 г. с полным основанием говорилось: «Мы все выкормлены милостью его величества, счастливого государя...»¹¹.

Впрочем, активного дипломатического диалога между двумя государствами не складывалось. Контакты были эпизодическими. Известно, что в 1398 и 1400 г. фактический правитель Золотой Орды присылал к Тимуру с примирительными предложениями¹². После смерти Тимура (1405), в 1409–1410 г., Едигей, его тогдашний ставленник хан Пулад и дядя Едигея Иса направили совместное посольство к Шахруху б. Тимуру в Герат. От Шахруха выехала в Золотую Орду ответная миссия, а через год в столицу Хорасана прибыл уже сам Едигей, вынужденный уехать из Орды, где разгоралась очередная смута. Преемник Тимура отнесся к гостю с севера весьма благосклонно; к тому же тот заявил, что является «рабом и слугой государя (Шахруха. — В. Т.), готовым исполнить все, что ему заблагорассудится повелеть»¹³. Позднее Едигей выдал дочь за Шахрухова сына¹⁴ [Сафаргалиев, с. 440].

Идейные истоки в Мавераннахре могла, по нашему мнению, иметь также кампания по активной исламизации ордынских кочевников, предпринятая Едигеем в период его полномочия. Потомки беклербека характеризовали его так: «Сего света держава на великих местех, счастливою осподарь, умной как Бюрека, ум ся о него родил, вере надежа, людем подпора, Богом возлюблен, а от люден почтен, над судьями судья, а великие люди слову его были ради, иных осподарей вернее был и салтанов — Едигеи князь»¹⁵.

Полагаю, что названный здесь «Бюрека» — это сподвижник и духовный наставник Тимура шейх Береке. Он был родом с арабского Востока, принадлежал к обособленной привилегированной категории *сайидов* (потомков Пророка) и пользовался огромным почетом в державе Тимура. Именно он в 1370 г. вручил Тимуру символы государственной власти — знамя и барабан, и именно молитвами Береке перед сражениями хронисты объясняют победы чагатайских войск над Тохтамышем¹⁶. Тимур дал Береке в удел город Андхой и, по некоторым сведениям, был похоронен в одном мавзолее с Береке, причем лицо правителя было обращено в сторону наставника [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 43, 448–450]. Возможно, во время своих приездов в Мавераннахр Едигей познакомился со знаменитым богословом и беседовал с ним на политические и религиозные темы (так можно трактовать фразу «ум ся о него родил»).

Тесные контакты с богословами из окружения Тамерлана, в том числе с Береке, сформировали духовные ориентиры Едигея, что проявилось позднее в его мерах по распространению ислама в степях. Не случайно поздняя ногайская традиция приписывает Едигею мусульманские имя и почетное звание «Шеабуддин-шейх» [Семенов, с. 427] (то есть шейх Шихаб ад-Дин — араб. «светоч веры»). Известно, что сперва он почитался как образец Э. Г. Сайфетдиновой, Э. Т. Хафизова; Пер. на рус. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой; Общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2017. С. 63.

¹⁰ Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с перс., предисл. и примеч. А. А. Семенова. М., 1958. С. 70.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же; Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. С. 69; Šami Nizamuddin. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par avec des additions empruntées au Zubdatu-t-Tevarih-i Baisunquri de Hafiz-i Abru / Ed. crit. par F. Touer. Praha, 1937. Т. 1. Texte persan du Zafarnama. P. 171.

¹³ Самаркандий Абдураазок. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн / Пер. на узбекск., предисл., примеч., глоссарий А. Урунбаева. Тошкент, 1969. С. 152, 157.

¹⁴ Там же. С. 157.

¹⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М., 1984. С. 39 (грамота ногайского бия Мусы Ивану III).

¹⁶ История Казахстана в арабских источниках. Алматы, 2005. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном / Подгот. к изд., введ., доп. коммент. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. С. 330, 331.

мудрости и благочестия, его изречения цитировались наравне с классическими стихами¹⁷. Затем его образ оказался по-настоящему сакрализован, и Едигей превратился в святого героя древности для казахов, а каракалпаки чтили его еще и как покровителя лошадей [Валиханов, 1904, с. 224; Валиханов, 1968, с. 491, 492; Камалов, с. 132].

Подобно Тимуру, Едигей породнился с «золотым родом» через свою женитьбу на дочери Тохтамышша и сам выдал дочь за одного из джучидских царевичей и будущих ханов — «чтобы этим родством уменьшить недоброжелательные сплетни»¹⁸. Однако он не имел в арсенале еще одного средства легитимации, которым обладал Тимур [Manz, с. 14, 15], — харизмы удачливого завоевателя. Поэтому ему пришлось прибегнуть к искусственной сакрализации своей родословной.

Укреплению власти Едигея и последующему освящению его образа бека помогла генеалогическая легенда о происхождении его рода от халифа Абу Бекра и потомка последнего, Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса (см.: [Трепавлов, с. 64, 86, 87; DeWeese, гл. 4–6]). Ряд исследователей резонно видит в прообразе Баба-Туклеса суфийского подвижника XII в. Ходжа-Ахмеда Ясави. Причем в некоторых версиях ногайских родословий в эту генеалогию вставлялся великий персидский поэт-суфий XIII в. Джалал ад-Дин Руми¹⁹ (что лишь подчеркивает искусственность данной генеалогической конструкции).

При подобных идеологических установках родство с Чингисидами уже не имело решающего значения. Гораздо больший отзвук среди подданных Едигея имело происхождение от первого халифа, а потомки Едигея еще больше укрепили свой повышенный статус через породнение с бухарскими ходжами из фамилии Джуйбари, возглавлявшими суфийский *тарикат* («орден») Накшбандия [DeWeese, с. 388, 392–396].

Таким образом, можно видеть, как кризис чингисидской государственности проявлялся в разных частях бывшей Монгольской империи. В улусных ханствах происходило угасание харизмы правящих династий, и, соответственно, реальная власть ими утрачивалась. Самым ярким и успешным примером деградации царственных prerogatives монархов-Чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. Вдохновленный этим примером джучидский беклербек Едигей воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. Но если Тамерлан скончался на вершине славы и могущества, то Эдиге не смог удержать в руках власть над слабевшим и распадавшимся государством и погиб в войне с отпрысками Тохтамышша, оттесненными им от престола. И в этом он повторил судьбу Мамайя — своего предшественника по всевластному беклербекству.

Литература

- Бартольд В. В. Сочинения. М., 1964. Т. 2. Ч. 2; М., 1968. Т. 5.
Валиханов Ч. Ч. Сочинения. СПб., 1904.
Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1968. Т. 4.
Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
Григорьев А. П. «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1988. Вып. 11. С. 55–93.
Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016.
История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
Камалов С. К. О географических названиях в эпосе «Эдиге» // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 132–134.
Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 277–526.
Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб., 1895.
Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.
DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Penn.), 1994.
Ischboldin B. Essays on Tatar History. 2nd ed. New Delhi, 1973.
Manz B. F. The Rise and Rule of Tamerlane. N. Y.; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989.

Vadim V. Trepavlov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

EDIGÜ AT THE HEAD OF THE GOLDEN HORDE: THE EXPERIENCE OF HIS CHAGATAI EMIGRATION

In the second half of the 14th century in the ulus Khanates of the former Mongol Empire happened fading Chinggisid ruling dynasties' charisma has ebbed. The real power found itself in the hands of powerful representatives of Turkic tribal aristocracy. The most striking example of degradation of Chinggisids' royal prerogatives was sovereignty of Timur in the Chagatai Ulus. The article shows how Mangyt Edigü Beq, during his long stay at the Timur's court, was inspired by this example and embodied the basic principles of his

¹⁷ См.: Утемиш-Хаджи. Кара таварих. С. 37.

¹⁸ Самаркандий Абдурраззок. Матлаи сьдайи ва мажмаи бахрайи. С. 180; Сборник летописей. С. 158; Натанзи Муин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих-и Муини. С. 99.

¹⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 22.

rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (*beqlerbegi*). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads.

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi

УДК 265.1+81'373.231 ББК 86.37-3 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0030

И. С. Филиппов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. *isfilippov@gmail.com*

ИМЯ И ВЕРА: КРЕСТИЛЬНЫЕ ИМЕНА В ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ И НА КАТОЛИЧЕСКОМ ЗАПАДЕ

В статье анализируются различия между практиками имянаречения в православной и католической традициях. Разное понимание крестильного имени, связанное с межконфессиональными различиями в литургии, обусловлено недостаточным вниманием к этому вопросу в авторитетных текстах ранней Церкви, а также традицией многоименности, утвердившейся в западном мире уже в раннее Средневековье, и историческими обстоятельствами крещения германских, кельтских и славянских народов.

Ключевые слова: раннее Средневековье, христианство, литургия, крещение, катехуменат, крестильные имена, имянаречение

В средневековой Руси, как и в современной России, было самоочевидным, что при крещении человек получает особое христианское имя, которое часто сосуществовало с мирским именем, нередко языческого происхождения. Так же обстояло дело в Болгарии, Сербии, когда-то и в Византии, где языческие имена вышли из употребления еще в VII в. По разным причинам у человека могло быть и больше имен, но крестильное имя было обязательно именем святого или приравненного к святым почитаемого персонажа Ветхого или Нового Завета. Со временем утвердилось представление о том, что святой, именем которого назван человек, является его небесным покровителем, так что крестильное имя предполагало приверженность его носителя определенному культу и даже некоторую близость людей, носящих одно имя. Во всяком случае, еще в недалеком прошлом слово «тезка» указывало на нечто большее, чем на случайное совпадение имен. Что же касается небесного покровителя, то о значении его в повседневной жизни можно судить уже по тому, что вплоть до XX в. в России отмечался не день рождения человека, а его именины, осмысленные в народе как день ангела-хранителя.

Для русского человека все это настолько очевидно, что кажется непостижимым, что может быть как-то иначе. Однако знакомство с традициями имянаречения в других христианских странах убеждает в обратном, а более углубленное изучение вопроса приводит к выводу, что современные традиции сложились очень давно, еще в раннее Средневековье. К слову, подавляющему большинству западных христиан удивительным кажется наше понимание крестильного имени. Поскольку исследование религиозной культуры обычно не выходит за рамки одной конфессии, глубинные различия в подходах к имени изучены плохо и, как правило, выпадают из поля зрения научного сообщества.

Дальше всего от русских православных обычаев имянаречения отстоят обычаи протестантов, особенно тех, что проживают в англоязычных странах. Крестильным именем в этих странах может послужить фамилия, топоним, да и любое другое слово, полюбившееся родителям. Примеры на слуху, даже если сам факт не отрелфлексирован: Вашингтон, Джексон, Линкольн (популярные у афроамериканцев), Маршал, Рамсей, Уинстон и т. д. Правда, поскольку у западных христиан нередко по два и больше личных имен, среди них могут быть и христианские имена, но так бывает далеко не всегда (см.: [Mitterauer; Wilson]). Не так уж мало людей довольствуются именами, не укорененными в христианской традиции. При этом в ряде протестантских конфессий, в том числе консервативных, например в пресвитерианстве, во время обряда крещения объявляется полное имя ребенка, то есть все его имена, включая фамилию.

Конечно, протестантская культура насчитывает всего пять веков, причем основные новации в этом вопросе совсем недавнего происхождения. Но протестантизм, как часть западного христианства, довел до логического конца многие тенденции, заметные в католицизме задолго до Реформации. Католическая культура также знает многоименность, и количество личных имен у католика, например, в Испании может превышать десяток. Эта культура также допускает литургическое использование имен, которые не являются именами святых, но могут с оговорками считаться христианскими. Речь идет о теофорических именах, известных и в православном мире, но кроме того, о тех, что представляют собой аллюзии к понятиям, праздникам и местам христианского культа. Это такие имена, как Ассунта, Грация, Кончита, Мерседес, Тринидад; Ноэль, Паскаль, Туссен; Бонариа, Монсеррат, Шанталь. В православном мире такие имена редки. Одним из исключений является популярное на Балканах имя Евангелия. По неясным причинам в основном это женские имена.

Различия в понимании крестильного имени в конечном счете объясняются различиями в литургии. Согласно Римскому Ритуалу, принятому Тридентским собором, не претендовавшим в этом случае на новацию, священник спрашивает человека, принимающего крещение: «Каким именем ты зовешься?» — и, повторяя это имя, говорит:

